

RU

Субстандарт в русскоязычных переводах рубежа XX-XXI веков

Ачкасов А. В.

Аннотация. Цель исследования – описать разрушение относительно стабильной узуально-стилистической нормы русскоязычной переводной литературы в переводах 1990-х – 2000-х годов на примере использования субстандартной лексики. Научная новизна исследования заключается в обобщении практик использования молодежного сленга, криминального жаргона, а также смешения в пределах одного фрагмента субстандартной лексики разных типов в русскоязычных переводах рубежа XX-XXI веков. Указанная тенденция была обусловлена, с одной стороны, изменениями в языковой практике разных сфер общества, проникновением в язык оригинальной литературы и СМИ некодифицированной сниженной лексики, а с другой – снятием ограничений, связанных с отбором произведений для перевода. Полученные результаты показали, что переводы анализируемого периода характеризуются общим снижением регистра, немотивированным использованием сниженной лексики, смешением разностилевой лексики, использующейся в разных речевых ситуациях и характеризующей разные социальные группы. Результатом описанных практик стало смещение прагматических и стилистических характеристик переводных текстов.

EN

Substandard in Russian-language translations at the turn of the 20th and 21st centuries

Achkasov A. V.

Abstract. The aim of the research is to describe the disruption of the relatively stable usual-stylistic norm of Russian-language translated literature in the translations of the 1990s to the 2000s on the example of substandard vocabulary. The scientific novelty of the study lies in generalizing the practices of using youth slang, criminal jargon, as well as the mixing of different types of substandard vocabulary within one fragment in Russian-language translations at the turn of the 20th and 21st centuries. This trend was conditioned, on the one hand, by the changes in the language practices of various society spheres and the penetration of uncodified reduced vocabulary into the language of the original literature and mass media, and on the other hand, by the removing of restrictions associated with the selection of works for translation. The obtained results have shown that translations from the analyzed period are characterized by a general register reduction, unmotivated use of substandard vocabulary, and the mixing of vocabulary of different styles. This vocabulary is used in various speech situations and represents different social groups. As a consequence of these practices, there has been a shift in the pragmatic and stylistic characteristics of the translated texts.

Введение

На рубеже XX-XXI веков в русскую оригинальную и переводную литературу стали активно проникать самые разные варианты субстандарта, начиная от бытового просторечия и заканчивая нецензурной лексикой. Этот процесс был обусловлен изменениями речевых практик в разных сферах общества, снятием запрета на использование сниженной и ненормативной лексики в публицистике, художественной литературе и СМИ. В переводной литературе рубежа веков преодолевалась стабильность стилистической нормы, сложившейся в середине XX века, которая при передаче субстандартов характеризовалась преобладанием нейтрально-разговорной лексики, разговорных синтаксических конструкций, общенародных диалектизмов. Уже в 1980-е – начале 1990-х годов охранительная языковая политика и цензура на этапе отбора книг для перевода стали ощущаться как серьезное препятствие на пути естественного развития языка. Само по себе разрушение контролируемой экосистемы переводной литературы было неизбежным. Язык всегда ломает искусственные ограничения, что особенно ощутимо в переводе, который исторически является полигоном для стилистических и жанровых экспериментов. Однако в анализируемый период использование субстандарта в переводной литературе выходит за рамки собственно художественных целей.

Актуальность темы исследования определяется необходимостью целостного осмысления практик использования субстандарта в переводной литературе рубежа XX–XXI веков, которые в значительной степени сохраняются и сегодня. Оценка степени проникновения русского субстандарта в переводную литературу позволяет судить как об объективных языковых процессах, так и о ее качестве, обусловленном в значительной степени востребованностью тех или иных жанров и авторов и политикой издательств в части привлечения переводчиков.

Материалом исследования являются переводы, выполненные в 1990-е – 2000-е годы, а также переводы, выполненные после 2000-х годов, если они демонстрируют общие тенденции. В статье цитируются следующие англоязычные произведения и их переводы:

- Buckley Ch. *Supreme Courtship*. N. Y.: Twelve, 2008.
- Бакли К. Т. Верховные судороги / пер. с англ. С. Ильина. 2009. https://royallib.com/book/bakli_kristofer/verhovnie_sudorogi.html
- Coe J. *The Rotters Club*. N. Y.: Penguin Books, 2001.
- Коу Дж. Клуб Ракалий / пер. с англ. С. Б. Ильина. 2008. https://royallib.com/book/kou_dgonatan/klub_rakaliy.html?ysclid=lksmd5v0jb64512946
- Kesey K. *Sometimes a Great Notion*. L.: Methuen Paperbacks, 1979.
- Кизи К. Порою нестерпимо хочется / пер. с англ. М. М. Ланиной. 1993. <https://coollib.com/b/659999-ken-elton-kizi-poroju-nesterpimo-hochetsya/read>
- Кизи К. Порою блажь великая / пер. с англ. Д. Сабарова. 2006. <https://books.google.ru/books?id=TT-hAAAAQBAJ>
- King S. *The Drawing of the Three (The Dark Tower Book 2)*. N. Y.: First Plume Printing, 1989.
- Кинг С. Стрелок / пер. с англ. Н. Ачеркан и Р. Ружже. 1995. https://thelib.ru/books/king_stiven/strelok_per_r_ruzhzhe-read.html
- Кинг С. Стрелок. Извлечение троих. Бесплодные земли: из цикла «Темная Башня» / пер. с англ. Т. Ю. Покидаевой. М.: АСТ, 2014.
- Townsend S. *Adrian Mole and the Weapons of Mass Destruction*. L. – N. Y.: Michael Joseph, 2004.
- Таунсенд С. Адриан Моул и оружие массового поражения / пер. с англ. И. Алюкова. 2006. https://royallib.com/book/taunsend_syu/adrian_moul_i_orugie_massovogo_porageniya.html
- Townsend S. *The Growing Pains of Adrian Mole*. Bungay: The Chaucer Press, 1985.
- Таунсенд С. Дневники Адриана Моула / пер. с англ. и послесл. Ю. Захарович. М.: Молодая гвардия, 1989.
- Таунсенд С. Страдания Адриана Моула; Признания Адриана Моула / пер. с англ. Е. Полецкой, Е. Ивашиной. М.: Phantom Press, 2004.
- Thompson H. *The Curse of Lono*. Toronto – N. Y.: Bantam Books, 1983.
- Томпсон Х. С. Проклятие Гавайев / пер. с англ. В. А. Миловидова. 2012. https://librebook.me/the_curse_of_lono/vol1/1
- Waters S. *The Night Watch*. L.: Virago, 2006.
- Уотерс С. Ночной дозор / пер. с англ. А. Сафронова. 2009. <https://knijky.ru/books/nochnoy-dozor-0>
- Welsh I. *Trainspotting*. L.: Minerva, 1996.
- Уэлш И. На игле / пер. с англ. И. В. Кормильцева. М.: АСТ; Ермак, 2004.
- Wodehouse P. G. *A Gentleman of Leisure*. 2021. <https://www.gutenberg.org/cache/epub/65172/pg65172-images.html#c11>
- Вудхаус П. Г. Джентльмен без определенных занятий; За семьдесят; Вильгельм Телль на новый лад. 2006. https://librebook.me/tom_17_djimmi_pitt_i_drugie/vol1/1

В анализ включены работы как опытных переводчиков, начавших свою деятельность в середине XX века, так и работы переводчиков, выполнявших переводы только в анализируемый период.

В задачи исследования входят обобщение основных тенденций использования молодежного сленга и криминального жаргона в переводах рубежа XX–XXI веков; анализ примеров немотивированного использования сниженной лексики и смешения в пределах одного фрагмента субстандартной лексики, характеризующей разные социальные группы; анализ влияния изменений в языковой практике разных сфер общества и проникновения в язык оригинальной литературы и СМИ некодифицированной сниженной лексики на стилистику переводов анализируемого периода.

Для решения поставленных задач используются методы сопоставительно-стилистического, лингвистического и переводческого анализа. Теоретической базой исследования являются работы, посвященные языковой политике XX века и ее влиянию на художественный перевод (Коренева, 2000; Крысин, 2000), переводоведческие исследования, рассматривающие вопросы передачи субстандартов (Гак, 1966; Федоров, 1983), а также работы, касающиеся влияния языковых практик 1990-х годов на языковую норму (Чужакин, Алексеева, Романчик и др., 2015).

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования результатов проведенного анализа и сделанных обобщений в контексте современных практик передачи речевых субстандартов. Результаты исследования также могут быть использованы в практике обучения художественному переводу.

Обсуждение и результаты

Русский субстандарт 1990-х годов и преодоление стилистической нормы переводной литературы

В середине XX века в русскоязычных переводах сложилась относительно стабильная практика передачи речевых субстандартов. В самом общем виде стратегии передачи социально и регионально маркированной

речи, профессиональных жаргонов, фонографической репрезентации бытового просторечия сводились к использованию в очень ограниченном объеме разговорной лексики и синтаксиса, общенародных диалектизмов и просторечия (Федоров, 1983, с. 253; Гак, 1966, с. 39). Наиболее последовательно указанные стратегии реализовались в многотомных переводных собраниях сочинений зарубежных авторов и в переводах, выходящих в "ACADEMIA". Такие издания задавали общий стилистически-узуальный тон переводной литературы и формировали читательский вкус. Детально и даже натуралистично изображенные в оригинальной литературе региональные диалекты, речь моряков, рабочих или индейцев (например, в переводах романов Ф. Купера) передавались в переводах одинаково сдержанно и примерно одними и теми же средствами. Такой подход к использованию русскоязычной субстандартной лексики характеризовал не только переводную речь персонажей, но и в целом переводы этого периода. Стилистическое «выравнивание» переводов не влияло на их высокий уровень, оно лишь характеризовало общую норму языка переводов и представления о пределах ее допустимого и приемлемого варьирования. Идеологическая установка на очищение великого и могучего русского языка от диалектизмов, просторечия, жаргона в середине XX века определяла стилистический «стандарт» художественной прозы.

Ситуация начала ощутимо меняться в 1980-е годы, а в 1990-е «стерильность» стилистической нормы переводной литературы была разрушена как следствие, с одной стороны, преодоления охранительной языковой политики, с другой – как результат изменившихся критериев отбора книг для перевода. Свобода издательств и отсутствие языковой цензуры открыли поток переводов самого разного качества. Особенно ощутимы эти процессы были именно в области переводной литературы, когда на русском языке стали выходить переводы массовой литературы: «Роль переводной литературы в этом процессе сопоставима в каком-то смысле с той, какую она играла в конце XVIII века. Именно через переводную литературу русский читатель познакомился с такими жанрами, как *fantasy*, заново открыл для себя любовный роман, эротический роман, детектив, фантастику и пр. <...> ...из-за отсутствия новых, национальных “образцов” того или иного жанра всякий переводчик оказывался “творцом” нового стиля, что при отсутствии “языковых ориентиров” привело к необычайной языковой пестроте переводов. Единственным объединяющим принципом переводов западной массовой литературы стало стремление отойти от той языковой “стерильности”, которая культивировалась в переводной литературе советского периода» (Коренева, 2000, с. 37). Процессы размывания нормы в области переводной литературы были следствием в том числе изменений в языковой практике разных сфер общества, прежде всего в СМИ. В конце XX века в публичную жизнь входят представители социальных групп, которые «в своих привычках и пристрастиях связаны с разного рода жаргонами и другими формами некодифицированной, нелитературной речи... То, что раньше считалось принадлежностью социально непрестижной среды (преступной, мафиозной, просто малокультурной), начинает приобретать “права гражданства” наряду с традиционными средствами литературного языка» (Крысин, 2000, с. 30). Подобные изменения были характерны для телевидения, художественной литературы, публицистики.

В качестве примера попытки преодоления «стерильности» языка перевода можно вспомнить историю передачи на русский язык романа Дж. Сэлинджера "The Catcher in the Rye". Известность этого культового романа обусловила внимание исследователей (Петренко, 2016; Изволенская, 2020; Бойко, 2018) и читающей публики к появлению новых переводов, а сами переводчики неоднократно разъясняли причины, которые делали необходимым появление новых русскоязычных версий романа. Использование субстандартной лексики в переводах романа Сэлинджера в определенной мере иллюстрирует процессы преодоления усредненной нормы переводной литературы. В первом предложении романа герой использует выражение "David Copperfield kind of crap", которое на русский язык передавалось так: «мура вроде наплетенной Дейвидом Копперфилдом» (Р. Райт-Ковалева, 1960), «дэвидкопперфилдовская муть» (С. Махов, 1998), «Дэвид-Копперфилдова хе**я» (М. Немцов, 2008). Для более поздних переводов характерен возврат к литературной норме, что также иллюстрирует общую тенденцию. Приведенный пример носит условный характер, а упомянутые переводы различаются не только способами передачи на русский язык субстандарта. Тем не менее общая тенденция очевидна: начиная с 1990-х годов доминировавшая норма языка перевода разрушается.

На сегодняшний день нет исследований, дающих общее представление о характере использования субстандарта в переводной литературе рубежа XX-XXI веков. В переводоведении преобладают работы, посвященные переводу конкретных произведений в аспекте передачи субстандарта (Васенко, 2020; Новицкая, 2017; Вохмянин, 2015). Общие закономерности использования субстандартной лексики в русскоязычных переводах предметом внимания почти не становились. Практически не изучены вопросы масштабов использования субстандарта, влияния изменений в русском языке на переводы рубежа веков. В рамках данной статьи будет в самых общих чертах рассмотрен только один аспект переводов начиная с 1990-х годов XX века, а именно – характер и объем использования в них молодежного сленга, криминального жаргона и смешения субстандартной лексики разных типов.

Молодежный сленг

В переводы рубежа веков вошел практически весь спектр молодежного сленга. В корпусе можно найти примеры использования таких единиц, как *прикинь*, *не тормози*, *по ходу*, *зырить*, *жиртрест*, *ништяк*, *ездить по ушам*, *прикид*, *отстой*, *в лом*, *грузить*, *знать пургу*, *стремный*, *уматный*, *чел*, *бабца*, *осос*, *понты*, *проканать* и т. п. В переводах анализируемого периода можно найти такие диалоги:

You're doomed, man, you'll never make it.

Hey, fat boy, how about a beer?

Run, you silly bastard (Thompson, 1983, p. 51). /

Ты обречен, чувак, тебе не светит.

Эй, жирдяй, как насчет пивка?

Трахните его кто-нибудь! (Томпсон, 2012)

Сама по себе возможность и даже необходимость использования молодежного сленга в переводах кажется очевидной, особенно когда оригинал ставит задачу передачи неформальной речи. Так, например, уже упомянутый роман Дж. Сэлинджера потенциально предполагает употребление молодежного сленга, и все же перевод этого романа, выполненный М. Немцовым, вызвал много вопросов. По мнению М. Идова, основная проблема использования сленга в этом переводе состоит в том, что он смешан с нестандартной лексикой самых разных социальных групп: «От фразы к фразе, а иногда в пределах одного предложения его Колфилд – перестроечный пэтэушник, дореволюционный крестьянин, послевоенный фраерок и современный двоечник со смартфоном. “В Пенси играть с Саксон-Холлом – всегда кипиш”. “Это для лохов”. “У него теперь грошей много”. “Шнобель”. “Халдей”. “Брательник”. “Не в жилу мне про это трындеть”» (Идов М. Эффект хлебного поля // Weekend. 12.12.2008. <https://web.archive.org/web/20211108163834/https://www.kommersant.ru/doc/1091065>).

Попытки систематического использования молодежного сленга для передачи отдельных сленговых единиц оригинала также чаще всего не эффективны. Так, в переводе романа Б. И. Эллиса “Glamorama” («Гламорама») междометие «блин» передается единицей “shit” (всего 34 раза), а в переводе романа С. Кинга “The Stand” («Противостояние») единицей «чел» регулярно передается неформальное обращение “man” (всего 36 раз). В последнем случае единица «чел» попадает в несвойственные для нее прагматические контексты («Просто уезжай, чел», «Я голоден, чел»). Использование молодежного сленга в несвойственных ему контекстах или функциях стало общим местом в переводах рубежа веков:

I’m taking a girl to Wimbledon Common (Waters, 2006, p. 80). /

Веду бабца на Уимблдонский пустырь (Уотерс, 2009).

Yo, woman, do you wanna score some draw? (Townsend, 2004, p. 35). /

Эй, бабец, кайфануть не хочешь? (Таунсенд, 2006).

...but, my God, what a fox. Could get tricky... (Buckley, 2008, p. 117) /

Но, Бог ты мой, такой бабец! Однако могут возникнуть осложнения... (Бакли, 2009).

В первом примере выбор единицы «бабец» (девушка, женщина) обусловлен только общим снижением регистра перевода и активным использованием молодежного сленга («Станок закачаешься!», «клевая» в той же реплике), но не мотивирован оригиналом напрямую. Во втором примере указанная единица использована как обращение, что нетипично для русскоязычной речи. В последнем примере единица «бабец» употреблена неверно семантически, так как речь не идет о женских достоинствах персонажа.

В целом молодежный сленг в переводах анализируемого периода используется несистематически, неточно, часто избыточно, смешивается с просторечием и жаргоном.

Криминальный жаргон

Существенно повлияла на язык переводов вульгаризация и криминализация языка в 1990-е годы, когда «в моду вошел “базар”, он стал “реально авторитетен”. Это очень хорошо почувствовали политики, поэтому политик любого ранга позволяет себе жаргонную лексику. Позволяет? Нет, он ее намерено использует. <...> То же самое касается журналистов, ведущих популярных теле- и радиопередач, сценаристов и т. п., которые жаргонизмами, вульгаризмами, варваризмами, да и всей стратегией речепорождения доказывают, что от народа они совсем не далеки. Они просто дают то, чего от них ждут» (Чужакин, Алексеева, Романчик и др., 2015, с. 74). В переводы рубежа веков активно входит актуальный криминальный жаргон, в том числе широко использовавшийся молодежью: *лавэ, баклан, мочить, наезд, шестерка, китеж, беспредел, чалиться, фраер* и т. д. Разумеется, такая лексика встречается не в каждом переводе и не каждый переводчик ее использовал. В ряде случаев введение жаргона в ограниченном объеме обусловлено сознательно выбранной стратегией переводчика и контекстом произведения. Так, в переводе романа П. Вудхауса “A Gentleman of Leisure” («Джентльмен без определенных занятий») в речи взломщика Спайка Маллинза единицы “gazebo” и “boss” систематически передаются единицами «фраер» и «начальник». В духе криминальной традиции передано и имя взломщика – Штырь:

“Gee!” said Spike. Say, boss, de mug what wrote dis piece must have bin livin’ out in de woods. Say, dere’s a gazebo who wants to swipe de heroine’s jools what’s locked in a drawer (Wodehouse, 2021). /

– Хы! – сказал Штырь. – Слышь, начальник, тот тип, что настроил эту статейку, видать, совсем деревня. Слышь, там у него один фраер нацелился стырить брульянты, а они у героини в ящике заперты (Вудхаус, 2006).

В остальном особенности речи Штыря передаются просторечием (*мое фамилие, чегой-то, легкотня, здесь* и т. п.), не всегда характеризующим одну социальную группу или период, что не мешает целостному восприятию текста. В случае, когда в переводах не реализуется общая стратегия использования такой лексики, она отчетливо выбивается из общего стилистического фона. Так, например, единица «фраер» появляется в переводах только эпизодически, разрушая стилистический контекст (Ч. Буковски «Голливуд», К. Бонда «Очкарик», И. Уэлш «На игле» и т. д.). В переводе романа С. Кинга “The Dark Tower Book 2” («Темная Башня 2») единица «фраер» немотивированно используется единственный раз для передачи неформального “dude”:

This guy you talk about in your sleep, for instance, this dude Cuthbert (King, 1989, p. 159). /

...тот малый, про которого ты все говоришь во сне, этот фраер Катберт... (Кинг, 1995).

В других контекстах в этом же переводе единица “dude” передается вполне традиционно (“old dude” – «старый хрен»; “blow-dried dude” – «прилизанный хлыщ»). В том числе из таких, на первый взгляд незначительных,

нюансов складывалось общее качество переводной литературы. Для сравнения можно привести это предложение в другом, более позднем переводе:

Этот парень, о котором ты все бормочешь во сне, этот пижон Катберт... (Кинг, 2014, с. 364)

Приведенный перевод точнее интонационно также благодаря выбору лексического эквивалента и сохраненной анафоре.

Можно привести примеры, когда использование жаргона систематически разрушает общий стилистический строй произведений. Для сравнения можно взять фрагменты романа К. Кизи "Sometimes a Great Notion" в двух переводах 1993 и 2006 годов:

Well now. The church key, man (Kesej, 1979, p. 290). /

- Ну ладно, дай ковырляку, мужик (Кизи, 1993).
- Эй, брателло, подай-ка этот ключ от храма! (Кизи, 2006).

Oh... ah... but look you, mister... unless you want a glass of root beer, I mean right now at A and W up ahead, where can we drop you? Electric chair? Frigidaire? (Kesej, 1979, p. 290) /

– О... а... знаете, мистер... если вы не будете пить пива... там впереди... в смысле, куда вас подбросить? Туда? Сюда? Везде вода (Кизи, 1993).

– А... Э... слушайте, мистер... если вам, конечно, не в умат дернуть стакашек пивка... в смысле, когда ча-литься с нами пристебеть – где вас высадить? У водопоая? У козодоя? У приборя? (Кизи, 2006).

В переводе 2006 года жители небольшого городка, лесорубы, выражаются на смеси молодежного и уголовного жаргона с вкраплением слов неясной семантики (значение единицы «пристебеть» в данном контексте неясно). Кроме того, возникает подозрение, что переводчик не в полной мере владеет идиоматикой оригинала («ключ от храма» в приведенном примере не более чем открывалка) и компенсирует этот недостаток обилием жаргонной лексики.

Еще один пример немотивированного использования тюремного жаргона, широко бытовавшего на рубеже веков в речи молодежи, находим в переводе романа И. Уэлша "Trainspotting" («На игле»), в котором девятнадцать раз использованы единицы «базар» и «базарить»:

He actually sais things a loat worse thin that, a loat mair cynical and exploitative. Ah telt masel, that's the evil spirit talkin again, no the White Swan (Welsh, 1996, p. 12). /

Затем он начинает говорить гораздо худшие вещи, циничные и подлые, но я говорю себе, что это снова злой дух базарит, а вовсе не Вечерний Свон (Уэлш, 2004, с. 18).

The bastard launches intae this spiel, talking incessantly, like a bairn trying tae stay up as late as possible (Welsh, 1996, p. 20). /

Ублюдок без конца базарит, словно спиногрыз, который не хочет, чтобы родители отправили его в кро-ватку (Уэлш, 2004, с. 26).

That's aw thir is tae it (Welsh, 1996, p. 118). /

Дело ясное, базарить не о чем (Уэлш, 2004, с. 133).

Приведенные примеры требуют использовать разные эквиваленты, и ни в одном из случаев в соответствии с задачей оригинала эквивалентом не является жаргонное «базарить». Нельзя рассматривать использование единицы «базарить» и как способ воспроизведения диалектных особенностей речи.

Снижение регистра

Еще одной характерной чертой переводов рубежа веков стало систематическое снижение регистра речи персонажей или даже произведения в целом. В качестве типичного примера можно привести фрагменты двух переводов романа С. Таунсенд "The Growing Pains of Adrian Mole", опубликованных в 1989 и 2004 годах:

My father and father were having a discussion about feminism in the car on the way to Sainsbury's this evening. My father said that since my mother's consciousness had been raised he had noticed that she had lost two inches round her bust. My mother said angrily, 'What have my breasts got to do with anything?' (Townsend, 1985, p. 28) /

Сегодня вечером в машине по пути в универсам «Сейнсбери» родители заспорили о феминизме. Папа заметил, что с тех пор, как мама начала работать над развитием самосознания, у нее на два дюйма уменьшился объем груди.

- При чем здесь моя грудь? – вспыхнула мама (Таунсенд, 1989, с. 25).

Вечером наведались в супермаркет «Сейнсбери». Родители еще дома как сцепились насчет феминизма, так и в машине не унялись. Отец круто завернул насчет того, что феминизм плохо сказывается на объеме маминого бюста:

– На кой ляд мне твое самосознание, Полин? Может, оно и растет, зато грудь вон уже на два дюйма усохла.

- Какого хрена ты мою грудь приплел? – окрысилась мама (Таунсенд, 2004, с. 28).

Перевод 1989 года (Ю. Захарович) до некоторой степени «олитературен», однако его стилистика строго выдержана на протяжении всего текста. Если предположить, что появление нового перевода (Е. Полецкая, Е. Ивашина) было обусловлено желанием дать более естественную, разговорную версию романа, то все же нельзя сказать, что такое снижение регистра мотивировано оригиналом (*сцепились, на кой ляд, усохла, какого*

хрена, окрысилась»). Даже в тех случаях, когда контекст допускает использование подобных стилистических средств, в переводе 2004 года предпочтение отдается более сниженному по отношению к оригиналу варианту. В той же сцене отец называет героя “*anal retentive*”. В переводе 2004 года идиома передана выражением «*полдня с толчка не слезает*», что не точно не только стилистически, но является еще и смысловой ошибкой (в переводе 1989 года – «*задницей и берет*»).

Снижение регистра в переводе нередко сочетается с использованием в пределах одной реплики разных видов субстандартной лексики:

‘This,’ said Slater, suddenly and irrelevantly, ‘is a bloody good steak.’ <...> ‘Give me something like this every day of the week and we might be talking, do you know what I’m saying?’ (Coe, 2001, p. 18) /

Охе*****й бифштекс, – объявил ни к селу ни к городу Слейтер. <...> Давайте мне такую жрачку каждый день задолбанной недели, и у нас появится общий язык, сечете? (Кой, 2008).

Реплика Роя Слейтера, профсоюзного активиста, в романе Дж. Кой “*The Rotters Club*” («Клуб Ракалий») в переводе явно контрастирует с речевыми характеристиками других персонажей, что не мотивировано оригиналом. Не ясно, с какой целью использована сниженная единица «жрачка» (“*something like this*”), без связи с оригиналом появился эпитет «задолбанной», употреблены просторечное «ни к селу ни к городу» (в оригинале литературное “*suddenly and irrelevantly*”) и единица молодежного сленга «сечете». Единственный сниженный элемент оригинала “*bloody good*” (традиционно переводился «чертовски»), передан ненормативной единицей. Подобная смесь сленга, просторечия, табуированной лексики, жаргона и аргоса не редкость в переводах рубежа веков. В определенный момент развития переводной литературы такая «смелость» была признаком современности и оригинальности.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов. В переводы рубежа XX-XXI веков активно входят разные виды просторечия, сниженная лексика, криминальный жаргон и молодежный сленг. То, что раньше попадало в переводы дозированно и проходило через руки редактора, стало использоваться широко и без определенной стратегии. В рамках одного перевода и даже в рамках одной реплики нередко смешиваются субстандартные единицы, характеризующие разные социальные группы и употребляемые в разных речевых ситуациях. Для ряда переводов рубежа веков характерно систематическое снижение регистра, что можно рассматривать как следствие активного использования сниженной лексики. Употребление в переводной и оригинальной литературе разных пластов разговорной, просторечной, вульгарной и бранной лексики, если это обусловлено художественными целями или отвечает задаче оригинала, можно оценивать положительно. Однако на рубеже XX-XXI веков ситуация нередко выходила далеко за рамки собственно художественных целей. Использование сленга и жаргона в переводах стало средством преодоления языковой «стерильности» и рассматривалось как признак переводческой смелости и языковой свободы. Все перечисленные аспекты использования субстандарта в переводе требуют более внимательного изучения и обобщения, в том числе в динамике до сегодняшнего дня.

Источники | References

1. Бойко Е. А. Методы перевода английского сленга в произведении Джерома Сэлинджера «Над пропастью во ржи» // Лексикографическая копилка: сб. науч. ст. СПб., 2018. Вып. 5 / под науч. ред. В. В. Гончаровой.
2. Васенко М. А. Особенности перевода сленга и обсценной лексики на примере автобиографии Оззи Осборна “*I Am Ozzy*” // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 9.
3. Вохмянин П. Л. Проблемы перевода разговорной и стилистически сниженной лексики в кинотексте на примере *Black English* // Актуальные проблемы языкознания. 2015. Т. 1.
4. Гак В. Г. «Коверкание» или «подделка»? (Об одном опыте перевода варваризмов) // Тетради переводчика. М.: Международные отношения, 1966. Вып. 3 / под ред. Л. С. Бархударова.
5. Изволенская А. С. “*The Catcher in the Rye*”: голос, потерянный в переводе // Вестник Московского университета. Серия 19 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2020. № 1.
6. Коренева М. Ю. История русской переводной литературы сквозь призму развития русского литературного языка // *Res traductoria*. Перевод и сравнительное изучение литератур: к 80-летию Ю. Д. Левина / отв. ред. В. Е. Багно. СПб.: Наука, 2000.
7. Крысин Л. П. Русский литературный язык на рубеже веков // *Русская речь*. 2000. № 1.
8. Новицкая О. В. Ненормативная лексика как элемент речевой характеристики персонажа: диалектизмы, вульгаризмы, жаргонизмы в художественном переводе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 10.
9. Петренко Д. И. Роман Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и его переводы на русский язык / под ред. проф. К. Э. Штайн. М.: Флинта, 2016.
10. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1983.
11. Чужакин А. П., Алексеева И. С., Романчик Р. Э., Кару К., Кондаков Б. В., Чугаева Т. Н., Назмутдинова С. С., Шпак Н. Е. Русский язык: системный кризис? // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2015. № 1.

Информация об авторах | Author information**RU****Ачкасов Андрей Валентинович¹**, д. филол. н., проф.¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург**EN****Achkasov Andrei Valentinovich¹**, Dr¹ Herzen University, St. Petersburg¹ a_v_achkasov@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 11.07.2023; опубликовано online (published online): 11.09.2023.

Ключевые слова (keywords): молодежный сленг; криминальный жаргон; перевод; стилистическая норма; снижение регистра; youth slang; criminal jargon; translation; stylistic norm; register reduction.